

DOI 10.15826/qr.2016.4.206

УДК 321.7+342.34+328.1+316.423.3

ЕСТЬ ЛИ МЕСТО ДЕМОКРАТИИ ИЗ РОССИИ?*

Рец. на: Магун А. Демократия, или Демон и гегемон. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2016. – 154 с. : ил. – (Сер. Азбука понятий. Вып. 1.)

Константин Бугров

Михаил Киселев

Институт истории и археологии УрО РАН,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

IS THERE A PLACE FOR DEMOCRACY FROM RUSSIA?***

*Rev. of: Magun, A. V. (2016). *Demokratija, ili Demon i gegemon* [Democracy, or Demon and Hegemon]. – Saint Petersburg : Europ. Univ. in Saint Petersburg. – 154 p.*

Konstantin Bugrov

Mikhail Kiselev

Institute of History and Archaeology, UB RAS,
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The authors analyse a book on the concept of *democracy* by A. V. Magun, a specialist in political philosophy. In this book, the author traces the history of democracy as a key concept of the European political tradition, paying special attention to paradoxes in the Western understanding of democracy. Magun stresses the tension between the stability of liberal democracy in the modern era and the revolutionary, 'demonic' potential of democracy. According to the reviewers, the book could serve as a starting point for a deeper study of democracy as an integral concept of Russian political culture. However, such an analysis would require a shift in the focus from the Western canon (Aristotle –

* Citation: Bugrov, K., Kiselev, M. (2016). Is there a Place for Democracy from Russia? In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 4, p. 286–297. DOI 10.15826/qr.2016.4.206.

Цитирование: Бугров К., Киселев М. Is there a Place for Democracy from Russia? // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 4. P. 286–297. DOI 10.15826/qr.2016.4.206 / Бугров К., Киселев М. Есть ли место демократии из России? // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 4. С. 286–297. DOI 10.15826/qr.2016.4.206.

*** Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-31-00007.

J. Locke – J. Rawls) to the works of Russian authors (from A. N. Radishchev to V. I. Lenin) who contributed to the emergence of intellectual paradigms of democracy in the 19th and 20th centuries. In addition, the reviewers point out the problematic methodology behind the history of concepts.

Keywords: democracy; history of concepts; parliamentary system; revolution.

Рассмотрена работа специалиста в области политической философии А. В. Магуна, посвященная понятию «демократия». Автор книги прослеживает историю демократии как одного из важнейших понятий европейской политической традиции, обращая внимание на ряд парадоксов, характерных для его западного понимания. А. В. Магун отмечает напряжение между стабильностью либерального демократизма Новейшего времени и революционным, «демоническим» потенциалом, исторически присущим демократии. По мнению рецензентов, книга может послужить отправной точкой для более глубокого анализа бытования демократии как важного концепта российской политической культуры, однако для этого следует перенести центр внимания с западного канона (Аристотель – Дж. Локк – Дж. Роулз) на творчество российских авторов (от А. Н. Радищева до В. И. Ленина), внесших вклад в формирование интеллектуальных парадигм демократии в XIX–XX вв. При этом рецензенты поднимают ряд методологических проблем, связанных с созданием исследования в духе истории понятий.

Ключевые слова: демократия; история понятий; парламентаризм; революция.

Авторство рецензируемой книги принадлежит А. В. Магуну, профессору Европейского университета в Санкт-Петербурге и специалисту в области политической философии, известному благодаря книгам «Отрицательная революция: к деконструкции политического субъекта» (2008) и «Единство и одиночество: курс политической философии Нового времени» (2011). Тем более интересной представляется его новая работа, посвященная истории и теории демократии, которая к тому же открывает книжную серию Европейского университета под названием «Азбука понятий»¹.

Казалось бы, книга напрямую не адресуется к проблемам российской истории. Однако на деле вопросы, которые затрагивает автор, являются для исследователей отечественной истории едва ли не центральными. И дело даже не в том, что его ранние работы были связаны с осмыслением процесса распада советского политического режима и сложным, противоречивым генезисом демократии. Чрезвычайно важны вопросы о том, как функционирует история понятий на российской почве и каким образом российский опыт включается в обсуждение той или иной глобальной темы. Демократия, конечно, относится именно к таким.

¹ См. работы, вышедшие в этой серии: [Миллер; Вымятина].

Один из ключевых посылов рассматриваемой книги – это авторское (пере)определение *демократии*. При этом, как заявляет А. В. Магун, определения «не могут быть даны “из головы”, априорно, поскольку определяем мы нечто, имеющее имя и поэтому историю, историю и поэтому имя» (с. 19)². Итак, для определения понятия нужна история, и в первых разделах автор ссылается на соответствующие работы Р. Козеллека и Кв. Скиннера. Однако затем А. В. Магун, в сущности, дезавуирует этот метод, заявив: «Мы предложим свое определение и будем постепенно его разворачивать» (с. 21).

По мнению автора, *современная демократия* – это «конституционный режим представительного правления с обязательным разделением законодательной и исполнительной властей, в отсутствие наследственных привилегий и иерархий», для которого характерны пять специфических черт (с. 37–38). Но далее он замечает: «Данное определение не выражает моих политических идеалов, но описывает феномен демократии XX–XXI веков с точки зрения ее собственного идеала и истока» (с. 39). Соответственно, автор еще до начала экскурса в историю понятий дает свое определение, которое превращается в отправную точку для ретроспективных разысканий в прошлом.

Переходя к исторической части в главе «История демократии», автор уже сообщает читателю, что «история [современной] демократии... не сводится к *понятию* демократии, так как нынешние “демократические” институты, как и принципы народовластия, долгое время развивались и вне этой терминологии, не осознавали себя как демократические» (с. 54). Есть «демократические» институты, есть принципы народовластия, и их развитие и оказывается историей демократии. Это приводит к тому, что автор фактически смешивает два исследовательских подхода и ведет речь о демократии то как о *понятии*, то как о *институте*. При этом изучение демократии как истории понятия фактически заменяется ретроспективным поиском элементов, которые затем составят данное А. В. Магуном определение *современной демократии*.

Исторический экскурс автор начинает с Древней Греции, с афинской демократии; впрочем, греки парадоксальным образом не оставили никакой цельной теории демократии. Рим, напротив, являл собой образец *смешанной формы правления (res publica)*, сочетавшей *лучшее от демократии, аристократии и монархии*; история кризиса Римской республики одновременно закладывает основы для противопоставления *республики и демократии* (с. 81). В Средние века представления о народе как источнике власти были разработаны схоластами и служили обоснованию светской власти. Наиболее радикальным сторонником «народовластия» выступал, согласно А. В. Магуну, Марсилиус Падуанский (род. ок. 1270), так как именно он утверждал, что «народное собрание, будучи источником власти, должно постоянно

² Здесь и далее ссылки на рецензируемую книгу даются в круглых скобках с указанием номеров страниц.

ее формировать, а именно создавать *законы* и избирать руководителя (короля). Это совершенно новое по сравнению с Античностью понимание народовластия. Во-первых, верховная власть понимается как *законодательная*, а во-вторых – как творчески формирующая» (с. 84).

Показательно, что А. В. Магуна не интересует то, как Марсилиус Падуанский использовал собственно понятие *демократия*. Марсилиус, опираясь на «Политику» Аристотеля (384–322 до н. э.), писал в трактате «Защитник мира» (1324) о существовании двух видов *форм правления* – правильных и неправильных. Правильными он называл «те из них, в которых правитель руководит для всеобщего блага и в согласии с волей подданных; а неправильными – те, в которых отсутствует этот признак». Правильные *формы правления* делились на *королевскую монархию* (*regalem monarchiam*), *аристократию* (*aristocratiam*) и *политию* (*politiam*), а неправильные – на *королевскую тиранию* (*tyrannica monarchiam*), *олигархию* (*oligarchiam*) и *демократию* (*democratiam*). В *политии* «каждый гражданин участвует в управлении и в совете согласно своему рангу, возможностям и положению в обществе для всеобщего блага, в соответствии с волей и согласием остальных жителей». Напротив, *демократию* Марсилиус определял как «правление, в котором простонародье и нищенские массы устанавливают правительство, и управляют только они, без согласия и вопреки воле других граждан, не стремясь к равной пропорции при расчете всеобщего блага» [Марсилиус, с. 98, 99].

Подобные представления получают широкое распространение в эпоху Возрождения, став общим местом политической мысли. В этой трехчастной классификации аристотелевское понимание демократии как *неправильной формы правления* (свойственное и для Марсилиуса) будет вытеснено ее восприятием как формы правильной. В громадной степени это будет связано с рецепцией идеи другого античного автора – Полибия (ок. 200 – ок. 120 до н. э.), который противопоставил демократии как правильной форме *охлакратию* как форму неправильную [Weston, p. 9–12]. Как бы то ни было, к раннему Новому времени демократия закрепляется в политическом языке как понятие, для которого были характерны вполне положительные коннотации *правильной формы правления*. Однако А. В. Магун не рассматривает эти варианты.

После Марсилиуса Падуанского автор переходит к эпохе Возрождения, представленной монархонами – Т. Беза (1519–1605) и Ф. Отманом (1524–1590), авторами «новой теории народовластия». А. В. Магун замечает, что в их сочинениях речь шла «не столько о демократии (монархонами были вообще-то представителями высшего дворянства³), сколько о *праве на революцию*, которое будет так

³ Говоря о роли представителей высшего дворянства в развитии неэлитаристских теорий и участии в соответствующих политических событиях, стоит вспомнить хотя бы Филиппа Эгалитэ (1847–1793), бывшего герцога Орлеанского, и князя П. А. Кропоткина (1842–1921) – автор почему-то предпочитает о них не вспоминать.

важно для Новой истории, а также о программе конституционализма» (с. 86). Кроме того, в разделе об эпохе Возрождения автор пишет про голландских и английских республиканцев, которые развивали в XVI–XVII вв. схожие с монархотами теории. Уже в разделе «Новое время» А. В. Магун сообщает читателю, что «ответом на республиканские теории в XVI–XVII веках была идеология репрезентативного государства, главным глашатаем которой стал Томас Гоббс». Вкладом Гоббса (1588–1679) была концепция «монопольного государства, управляемого сверху вниз». При этом у него «впервые в Новое время возникает нейтральная характеристика *демократии* и ее определение как *суверенитета народа*. Но только в том смысле, что демократия – один из трех режимов, трех типов суверенной власти» (с. 90), а сама эта власть, по существу, остается деспотической и вертикальной. Наконец, Б. Спиноза (1632–1677) в своей политической философии явит синтез раннего республиканизма и идей Т. Гоббса, интерпретировав демократию как «систему безличных выборов в Совет, исключаящую наследственные привилегии» (с. 91).

Историческая проблематичность такой схемы заключается в том, что автор игнорирует вопрос о смешанной форме правления, частным случаем которой была английская конституция, где демократия была представлена нижней палатой парламента. В связи с этим приведем следующий казус. Сотрудник Посольского приказа Московского царства А. А. Вinius (1641–1717) в 1672–1674 гг. посетил ряд европейских стран с дипломатической миссией. В статейном списке он описывал политический строй современных европейских государств. В разделе «О чине правления королевства Аглинского» Вinius сообщал:

Правление Аглинского королевства... есть отчасти монархально, отчасти аристократно, отчасти же демократно. Монархально есть, потому что имеют агличаня короля, которой имеет отчасти в правлении силу и повеление, только не самовластно. Аристократно и демократно есть, потому [что] во время великих принадлежащих каких дел, вчатия войны или учинения миру или поборов каких денежных, и тогда король съзывает парламент. А тот парламент делится в два дома: одинаго имянуют вышным, другаго нижным домом. В вышнем собираются сенаторы и шляхта лутчия всей земли, в другом собираются старосты мирских людей всех городов и мест. И хотя что в вышнем доме и приговорят, однако же без позволения нижнего дома совершити то дело невозможно, потому что всякие денежные принадлежат к меньшему дому. И потому вышней дом может нарещися аристокрация, а нижней – демократия (цит. по: [Казакова, с. 359–360]).

Вinius зафиксировал расхождение к тому времени представления, которые – не без влияния идей Полибия – стали распространяться в английской политической мысли со второй половины XVI в. [Weston, p. 15–21] и оказали большое влияние на последующую традицию [Делл; Бейлин; Краусе; Вудтон]. Важно, что в Новое время понятие

парламент стало использоваться для обозначения представительных органов, в том числе и в современной демократии (по А. В. Магуну).

Переходя к разговору о XVIII в., А. В. Магун утверждает, что в этот период «демократия упоминалась главным образом как отсылка к Античности, что-то глубоко несвоевременное. Как правило, речь о ней велась в двух противоречащих друг другу контекстах: демократия как режим хаоса и анархии у более консервативных авторов и как недостижимый идеал у либералов и республиканцев» (с. 93–95). За краткой формулировкой скрывается несколько проблем: это и демократия как одна из правильных форм правления, рассуждения о которой присутствовали в трудах авторов, которых невозможно отнести ни к консерваторам, ни к либералам⁴, это и элементы демократии в смешанных формах правления. Кроме того, как представляется, автор проходит мимо проблемы трансформации другого понятия, непосредственно связанного с демократией – понятия *народ*, хотя А. В. Магун регулярно пишет и о *народовластии*, и о *власти народа*.

Приведем следующий пример. Н. И. Панин (1718–1783), говоря о политическом строе России в «Рассуждении о непременных государственных законах», приходил к выводу: «На демократию же и походить не может земля, где народ пресмыкаяся во мраке глубочайшаго невежества носит безгласно бремя жестокого рабства». В то же время, говоря о *нации*, он замечал, что ее «корпусом своим» должно представлять *дворянство* [Бугров, с. 258–259]. Логика ясна: отправление власти должно принадлежать людям, которые своим сословным положением и образованием подготовлены к этому, а не непросвещенной черни. Но что, если посмотреть на представителей народа в духе Ж.-Ж. Руссо (1712–1778) как на обладателей естественной добродетели, которая противостоит развращенным нравам современной цивилизации? Здесь уместно вспомнить то, как А. Н. Радищев (1749–1802), чьи руссоистские симпатии хорошо известны, описывал в «Путешествии из Петербурга в Москву» (1790) добродетельных крестьян, противопоставив их развращенному высшему сословию. Другой поклонник Ж.-Ж. Руссо М. Робеспьер (1758–1794) в 1792 г. заявит:

Нация в своей массе добра и достойна свободы. Ее подлинная воля является всегда оракулом справедливости и выражением общих интересов. <...> Народу чужды изнеженность и честолюбие, эти два наиболее обильных источника наших бед и наших пороков. Он ближе к природе и менее извращен, потому именно, что он не получил при деспотических правлениях того ложного воспитания, которое сводится к урокам фальши [Робеспьер, с. 283–284].

Раз так, кому должна принадлежать власть: развращенному *деспоту*, не менее развращенной знати или же этому самому добродетельному *народу* [Мягкова]?

⁴ См., например, описание *демократии* у известного немецкого полицеиста И. Юсти (1717–1771): [Юсти, с. 118–130].

Однако А. В. Магун, пройдя мимо интеллектуальных изменений века Просвещения, напрямую обратился к революционным событиям в США и Франции, породившим «беспрецедентную идею “представительной (репрезентативной) демократии”, то есть соединения идеи прямой власти *народа* с идеей выбора *представителей*» (с. 97). Уже с 1830–1840-х гг., по его мнению, «можно отсчитывать *новую историю демократии... как сугубо нововременного феномена, предполагающего (1) эгалитарную систему нравов и (2) институты смешанного правления в старом английском духе, но с широкой избирательной базой*» (с. 98). С этого времени и начинается настоящая история той самой демократии, которой дал определение А. В. Магун. Ее судьбу автор прослеживает до современности, приходя иногда к парадоксальным заключениям. Так, в разделе «Двадцатый век» он утверждает, что «в результате Версальского мира (1921) рушатся старые монархии, и демократии становятся не только общественной, но и политической нормой, синонимом конституционного парламентаризма» (с. 110–111). Все же к моменту подписания Версальского мирного договора с Германией 28 июня 1919 г. монархия Гогенцоллернов уже рухнула в результате Ноябрьской революции 1918 г.; в России это случилось еще в феврале 1917 г. А уж Октябрьская революция 1917 г. и вовсе оказала мощное влияние на понимание демократии в XX в.

Методы истории понятий предполагают, что вопрос о содержании понятия *демократия* касается любого, кто позиционирует себя в качестве *демократа*. А это не только американский президент В. Вильсон (1856–1924) (с. 110), но, например, и В.И. Ленин (1870–1924): ведь большевики считали настоящей *демократией* советскую власть. В связи с этим более чем показательны, что автор не говорит практически ничего о советском опыте обсуждения демократии.

Обратимся к полемике 1918 г. между В. И. Лениным и лидером германской социал-демократии К. Каутским (1854–1938). К. Каутский упрекал большевиков в создании *диктатуры вместо демократии*. Отвечая на упреки, В. И. Ленин вовсе не отказался от опоры на понятие *демократия*. Напротив, он энергично отстаивал большевистский взгляд на его содержание: «“Чистая демократия” есть лживая фраза либерала, одурачивающего рабочих. <...> История знает буржуазную демократию, которая идет на смену феодализму, и пролетарскую демократию, которая идет на смену буржуазной» [Ленин, с. 251, 256].

Ленинская риторика указывает на то измерение понятия *демократия*, которое А. В. Магун предпочел оставить вне фокуса исследования и которое оставалось фундаментальным для советской политической культуры – на связь между экономикой и политикой, принципиально важную для марксистско-ленинской манеры рассуждать о политике вообще и о демократии в частности. Говоря о демократии у К. Маркса (1818–1883), А. В. Магун ограничивается кратким экскурсом во взгляды молодого Маркса и ничего не говорит, например, о Парижской коммуне: «Марксизм, уже силами Ленина и Грамши,

придет позднее к развернутому ответу на этот вызов формально-содержательной двойственности демократии. Ему понадобится вооруженная политическая философия; во главе народа должны стоять авторитет, партия, гегемон» (с. 105). Равным образом автор, говоря о «народной демократии» (с. 116), подчеркивает переход СССР от марксистской «диктатуры пролетариата» к концепции народовластия.

Это, безусловно, важно; но разве менее важно то, что реальная демократия марксизма возможна лишь при изменении производственных отношений, экономического базиса? Альфа и омега советской идеологии, этот центральный аргумент защиты советского социализма от критики представлен, например, в знаменитой «Азбуке коммунизма» (1919) Н. И. Бухарина (1888–1938) и Е. А. Преображенского (1886–1937). Позволим себе длинную цитату:

Буржуазная демократическая республика опирается на всеобщее голосование и на так называемую «всенародную», «общенациональную», «внеклассовую» волю. <...> В современном обществе класс стоит против класса, буржуазия против пролетариата, пролетариат против буржуазии. Они – на ножах. Какая же может быть у них общая воля, буржуазно-рабочая? Ясно, что буржуазно-рабочих желаний и стремлений быть не может, точно так же, как и волчьих-овечьих. Может быть либо воля буржуазии, которая эту свою волю навязывает разными способами угнетенному большинству народа, либо воля пролетариата, который навязывает свою волю буржуазии. <...> Сущность этой пролетарской демократии состоит в том, что она основывается на переходе средств производства в руки трудящихся, то есть на обессилении буржуазии; в ней как раз угнетенные прежде массы и их организации становятся органами управления. <...> [В конечном счете] советская власть осуществляет в тысячу раз более высокую, более народную форму демократии, пролетарскую демократию [Бухарин, Преображенский, с. 132, 144].

Бухарин и Преображенский оспаривают смысл понятия, определяя *демократию* при помощи прилагательных *буржуазная* и *пролетарская* (она же – «более народная»). Большевики, таким образом, отказывались вести речь о *форме правления*: в логике форм правления диктатура, безусловно, противостоит демократии, а в логике классовой борьбы – хорошо уживается с ней. Такая манера речи существует и сегодня, будучи зафиксирована, например, в Конституции КНР: «Китайская Народная Республика есть социалистическое государство демократической диктатуры народа, руководимое рабочим классом и основанное на союзе рабочих и крестьян» [Конституция, с. 27].

Итак, разница между демократиями заключалась не в политической, а в социально-экономической организации. Разумеется, история взглядов на демократию в СССР и, в частности, история сосуществования политических языков марксистской *классовой арифметики* и своеобразного «красного республиканизма» заслужи-

вают глубокого изучения: не случайно ведь «классовая», казалось бы, конституция РСФСР 1918 г. открывалась «Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа» (не пролетариата – *народа*). Как бы то ни было, советский (подчеркнем – не столько институциональный, сколько риторический) опыт оказался за бортом повествования, даже несмотря на то, что функционирование слова *демократия* в современных российских общественных науках до сих пор сохраняет мощный советский заряд: достаточно вспомнить такие выражения, как *революционно-демократический* или *писатель-демократ*, которые и сегодня остаются в ходу.

Впрочем, когда читатель доберется до последней главы, где автор обращается «к объяснению нововременной демократии, к причинам ее появления и далее – к ее смыслу и ценности», он может до некоторой степени разочароваться. Если в предыдущей главе автор все же прослеживал историю понятия, пусть и исходя из ретроспективной логики, то в главе «Объяснение» оказывается, что на самом деле описываемые идейные трансформации практически ничего не дали для собственно развития демократии. Ведь ключевыми оказываются 1) социальные предпосылки – «появление и господство класса *буржуазии*», представители которого «прибегли к демократической идеологии» и которых «в какой-то момент поддержали еще более массовые слои крестьян и городской бедноты» (с. 125, 127), и 2) структурные причины – капитализм (с. 128–131). Демократическая идеология превращается, с одной стороны, в инструмент в руках буржуазии и связанной с ней политической элиты, используемый для контроля над массами, осуществляемого именем народа. С другой стороны, эта идеология содержит в себе мощный революционный потенциал, позволяющий массам как *народу* претендовать на власть помимо выборов процедур, выходя на улицу. В итоге в современной либеральной демократии *власть народа* «остаётся заигрыванием буржуазного гегемона с опасными классами, а “демос”, который никогда физически не присутствует... действует... как прирученный *демон*, мифический герой наводящей ужас анархии» (с. 135). Итак, понятие *демократия* сохраняет мощный преобразовательный потенциал, способный мобилизовать массы. Именно этому посвящен итоговый раздел «Что делать, и что будет?» (с. 136–151).

На наш взгляд, рассматриваемая работа высвечивает важный набор проблем, с которыми сталкивается исследователь при обращении к *истории понятий*. Во-первых, необходимо различать историю понятия и историю института/сущности. Безусловно, понятие *демократия* и социологически/политологически определяемый институт в своих историях будут иметь точки пересечения и взаимовлияния. Однако история демократии как понятия и как института – это две разных истории, изучение которых требует своих подходов. Во-вторых, отдельное понятие не может функционировать в отрыве от других, во взаимодействии с которыми нередко и определяется его

смысл в конкретном коммуникативном контексте. Изучение истории понятия *демократия* требует экскурсов в смежные темы и введения новых и новых понятий: *демократия* и *форма правления*, *демократия* и *народ*, *демократия* и *Провидение*, *демократия* и *конституция*, *демократия* и *гражданство*, *демократия* и *материализм*, *демократия* и *собственность*. Формат словаря – этакой азбуки концептов – сам по себе порождает трудности: он подразумевает генеалогию понятия, которую на практике невозможно разъяснить, не обращаясь к истории других понятий. Это и ясно: словарь по определению должен давать акцентированные определения, а не погружаться в анализ нюансов проблемы до бесконечности.

В-третьих, установление жесткого определения изучаемого понятия может привести к отсечению не подпадающих под него определений, смыслов и значений, предлагаемых историческими акторами.

Наконец, в-четвертых, нужно упомянуть о специфической российской проблеме, которую мы называем автопериферизацией. Помещать на периферию опыт одной из великих держав Нового времени, включая и оставшийся «за бортом» повествования А. В. Магуна анархизм с такими русскими авторами, как М. А. Бакунин (1814–1876), кн. П. А. Кропоткин (1842–1921) или Н. И. Махно (1888–1934), малопродуктивно. И здесь важно не только желание получить историю понятия *демократия* в России, но и необходимость осмыслить демократию как важную часть российской политической традиции, а не только импортного продукта. Возможно, книга А. В. Магуна более удачна как образец оригинального рассуждения о демократии из России, когда высказывания автора становятся частью современной *полемики о понятии*, а не *истории понятий* как академического направления.

В заключение надо сказать и о формате самой книги – для издания, являющегося частью серии, ставящей амбициозные цели и одновременно ориентированной на широкую аудиторию, это важная характеристика. Издание заслуживает всяческих похвал: изящная верстка, продуманная графическая структура, выделение цитат и удобные сноски, а также замечательные иллюстрации В. Б. Богорада. Все это создает образцовое обрамление для острого провоцирующего повествования.

Список литературы

Бейлин Б. Идеологические истоки Американской революции. М. : Новое изд-во, 2010. 308 с.

Бугров К. Д. Монархия и реформы : Политические взгляды Н. И. Панина. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2015. 272 с.

Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма : Популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков. Пб. : Гос. изд-во, 1920. 321 с.

Вьяматнина Ю. Деньги, или Золотая антилопа. СПб. : Изд-во Европ. ун-та, 2016. 156 с.

Де-Лолм Г. Конституция Англии, или Состояние Английского Правления, сравненного с Республиканскою формою и с другими Европейскими Монархиями : в 2 т. М. : Университет. тип., 1806. Т. 1. 266 с.

Казакова Н. А. А. А. Вinius и статейный список его посольства в Англию, Францию и Испанию в 1672–1674 гг. // Тр. Отд. древнерус. лит. Т. 39. Л. : Наука, 1985. С. 348–364.

Конституция Китайской Народной Республики // Современное законодательство Китайской Народной Республики : сб. нормативных актов. М. : Зерцало-М, 2004. С. 24–55.

Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 37. Июль 1918 – март 1919. М. : Изд-во полит. лит., 1969. Июль 1918 – март 1919. С. 235–338.

Марсилиус Падуанский. Защитник мира. Defensor pacis. М. : Дашков и К, 2014. 656 с.

Миллер А. Нация, или Могущество мифа. СПб. : Изд-во Европ. ун-та, 2016. 146 с.

Мягкова Е. М. Добродетельный грузеник и опасный варвар: образ народа в политической культуре Франции конца XVIII века // Новая и новейшая история. 2016. № 1. С. 3–18.

Робеспьер М. Избранные произведения : в 3 т. М. : Наука, 1965. Т. 1. 378 с.

Юсти И. Г. Сушествное изображение естества народных обществ и всякого рода законов. М. : Императ. Моск. ун-т, 1770. 384 с.

Krause S. The Spirit of Separate Powers in Montesquieu // The Rev. of Politics. 2000. Vol. 62, № 2. P. 231–265.

Weston C. C. English Constitutional Theory and the House of Lords, 1556–1832. N. Y. : Columbia Univ. Press, 1965. 306 p.

Wootton D. Introduction // The Essential Federalist and Anti-Federalist Papers. Indianapolis : Hackett Publ. Comp., 2003. P. 9–38.

Reference

Bailyn, B. (2010). *Ideologicheskie istoki Amerikanskoj revolyutsii* [The Ideological Origins of the American Revolution]. 308 p. Moscow, Novoe izdatel'stvo.

Bugrov, K. D. (2015). *Monarkhiya i reformy : Politicheskie vzglyady N. I. Panina* [Monarchy and Reforms. Political Views of N. I. Panin]. 272 p. Yekaterinburg, Bank kul'turnoy informatsii.

Bukharin, N. & Preobrazhensky, E. (1920). *Azbuka kommunizma : Populyarnoe ob'yasnenie programmy Rossyskoy kommunisticheskoy partii bol'shevikov* [The ABC of Communism. A Popular Explanation of the Programme of the Russian Communist Party of Bolsheviks]. 321 p. Petrograd, Gosudarstvennoe izdatel'stvo.

De-Lolme, G. (1806). *Konstitutsiya Anglii, ili Sostoyanie Angliyskago Pravleniya, sravnennago s Respublikanskoju formoyu i s drugimi Evropeyskimi Monarkhiyami : v 2 t.* [The Constitution of England, or, An Account of the English Government: in which It Is Compared both with the Republican Form of Government, and the Other Monarchies in Europe]. Vol. 1. 266 p. Moscow, Universitetskaya tipografiya.

Justi, J. H. G. (1770). *Sushchestvennoe izobrazhenie estestva narodnykh obshchestv i vsyakogo roda zakonov* [The Systematic Depiction of the Nature of Societies and Laws of Different Kinds]. 384 p. Moscow, Imperatorsky Moskovsky universitet.

Kazakova, N. A. (1985). *A. A. Vinius i stateynyy spisok ego posol'stva v Angliyu, Frantsiyu i Ispaniyu v 1672–1674 gg.* [A. A. Vinius and His Embassy List to England, France and Spain in 1672–1674]. In *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Vol. 39, pp. 348–364. Leningrad, Nauka.

Konstitutsiya Kitayskoy Narodnoy Respubliki [The Constitution of the People's Republic of China]. (2004). In *Sovremennoe zakonodatel'stvo Kitayskoy Narodnoy Respubliki : sbornik normativnykh aktov* (pp. 24–55). Moscow, Zertsalo-M.

Krause, S. (2000). The Spirit of Separate Powers in Montesquieu. In *The Rev. of Politics*, Vol. 62, № 2, pp. 231–265.

Ленин, В. И. (1969). *Proletarskaya revolyutsiya i renegat Kautskiy* [Proletarian Revolution and Renegade Kautsky]. In Ленин, В. И. *Polnoe sobranie sochineny* : v 55 t. Vol. 37. Iyul' 1918 – mart 1919 (pp. 235–338). Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury.

Magun, A. (2016). *Demokratiya, ili Demon i gegemon* [Democracy, or Demon and Hegemon]. (Ser. Azbuka ponyaty. Iss. 1.) 154 p. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

Marsily Paduansky (2014). *Zashchitnik mira. Defensor pacis* [Defender of the Peace. Defensor Pacis]. 656 p. Moscow, Dashkov i K.

Miller, A. I. (2016). *Natsiya, ili Mogushchestvo mifa* [Nation, or the Power of Myth]. (Ser. Azbuka ponyaty. Iss. 2). 146 p. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

Myagkova, E. M. (2016). *Dobrodetel'nyy truzhenik i opasnyy varvar: obraz naroda v politicheskoy kul'ture Frantsii kontsa XVIII veka veka* [A Virtuous Labourer and a Dangerous Barbarian: The Image of People in the Political Culture of France in the Late 18th Century]. In *Novaya i noveyshaya istoriya, 1*, pp. 3–18.

Robespierre, M. (1965). *Izbrannye proizvedeniya* : v 3 t. [Selected Works: 3 Vols.]. Vol. 1. 378 p. Moscow, Nauka.

Vymyatnina, Yu. V. (2016). *Den'gi, ili Zolotaya antilopa* [Money, of the Golden Antelope]. (Ser. Azbuka ponyatij. Iss. 3). 156 p. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

Weston, C. C. (1965). *English Constitutional Theory and the House of Lords, 1556–1832*. 306 p. N. Y., Columbia Univ. Press.

Wootton, D. (2003). *Introduction*. In *The Essential Federalist and Anti-Federalist Papers* (pp. 9–38). Indianapolis, Hackett Publ. Comp.

The article was submitted on 12.10.2016